СИСТЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Осуществляется рассмотрение вопросов формирования и развития систем доказывания в истории уголовного процесса на основе выделенных автором мировоззренческого, социально-ценностного, юридико-регулятивного и юридико-технического критериев. Автором также отмечается необходимость учета социокультурных особенностей развития общества при реформировании современной системы доказывания в уголовном процессе России.

Ключевые слова: *системы доказывания, уголовный процесс, типы мышления, легитимация приговора.*

Появление в последние годы в уголовном судопроизводстве России выраженных тенденций «размывания» доказательственного права (в частности, расширение способов собирания доказательств, в том числе непроцессуальных, в стадии возбуждения уголовного дела, упрощение форм досудебного и судебного производств), направление которых задается законодателем и активно поддерживаемых практикой (что не удивительно, так как соответствующие изменения в законодательство зачастую активно лоббируются отдельными правоохранительными ведомствами), вызывает необходимость с новой стороны посмотреть на вопросы возникновения и развития систем доказывания в истории уголовного процесса, тем более, что система доказывания образует основу уголовного судопроизводства.

Для каждой эпохи развития человечества характерны свои формы реагирования на совершенное преступление. При этом установление факта совершения преступления конкретным лицом и виновности последнего также осуществлялось в истории уголовного процесса различным образом.

В первобытном обществе уголовный процесс как таковой отсутствует, да и само понятие преступления еще не получило четкую институционализацию. Однако агрессивность, насилие свойственны природе человека как биосоциального существа, поэтому можно с уверенностью утверждать, что убийства и другие общественно опасные деяния, запрещаемые институциональными (нормативно-регулятивными) системами, характерными для соответствующей эпохи (табу, религия, обычаи, мораль, право), совершались на всем протяжении истории человечества, а соответственно требовались институты, которые регулировали бы применение репрессии по отношению к лицам, совершившим данные деяния.

Как показывает история, нередко в основе вновь возникших институтов лежат ранее действовавшие институты, хотя и облеченные в обновленную форму, либо в институциональные рамки старых правил вкладывается новое содержание. В связи с этим нельзя обойти стороной вопрос об установлении виновности лица в совершении преступного деяния в первобытном обществе.

Выдающийся американский этнограф Л.Г. Морган подразделяет всю историю развития человечества

на три периода: дикости, варварства и цивилизации [1, с. 8–10]. Данная классификация учтена в настоящей статье. Соответственно, когда в ней говорится о первобытном обществе, имеется в виду этап развития человеческих сообществ, который определяется Л.С. Морганом как период дикости.

В древнем обществе функции обвинения были деперсонализированы и осуществлялись всеми членами группы в условиях полного единодушия [2, с. 491], а для разрешения конфликта, вызванного совершением преступления, на протяжении длительного развития были выработаны различные процедуры, в том числе гадания и другие магические средства, посредничество, присяга (клятва, рота) [2, с. 549–655]. Однако наиболее характерным для всего периода существования родоплеменного строя способом разрешения социального конфликта, возникшего в связи с совершением преступного деяния, у первобытных народов являлась ордалия (лат. *ordalium* – приговор, суд). Хотя испытания, в частности огнем и водой, обычно ассоциируются со средневековым уголовным процессом, однако ордалии ведут свое происхождение из глубокой древности, где к ним было «полное, непобедимое доверие» [3, с. 177]. При этом нельзя ставить знак равенства между ордалиями у первобытных людей, в античной Греции и «Божьим судом» Средневековья, что на основе анализа значительного фактического материала, относящегося к жизни африканских и австралийских племен, убедительно показывает Л. Леви-Брюль в своем фундаментальном исследовании «Первобытный менталитет».

Указанный французский философ и этнограф, в частности, отмечает, что «ордалия ядом, применяющаяся в связанных с колдовством процессах, столь частых во многих африканских обществах, является мистическим действием, аналогичным гаданию, и имеет целью одновременно и обнаружить колдуна, и убить его, и уничтожить заключенное в нем зловредное начало. Она, следовательно, не имеет ничего общего с «Божьим судом»» [3, с. 198].

Ордалия в древности использовалась и в обстоятельствах, никак не связанных с судебной процедурой. Так, ордалия с использованием кипящей воды также служила для получения медицинского прогноза, а испытание через муави (дерево с ядовитой

корой) – для преодоления внезапно возникшего затруднения [3, с. 181 – 182].

Обозначенная роль ордалии в жизни первобытных людей объясняется особенностями их мышления, которое можно определить как религиозно-мистическое. Л. Леви-Брюль по этому поводу пишет: «Первобытный менталитет, подобно нашему, стремится узнать причины происходящего. Однако эти причины он ищет не в том же направлении, что и наш. Он обитает в таком мире, где присутствующие повсюду бесчисленные оккультные силы постоянно либо действуют, либо готовы действовать» [3, с. 357]. Мышление первобытного человека еще не приобрело логические формы, которые развиваются по мере накопления практического опыта, развития духовной и материальной культуры. Как обоснованно заключает Л.И. Бондаренко, «идеальная деятельность возникает в самой материальной практической деятельности, вырастает из нее по мере развития и приобретает относительную самостоятельность. При этом логика идеальной деятельности воспроизводит логику практической деятельности» [4, с. 58].

Одновременно необходимо отметить еще два важных момента, характеризующих ордалию в первобытном обществе.

Во-первых, ордалия здесь не имеет целью непосредственно доказать виновность подвергаемого ей человека, поскольку во многих случаях, когда эта виновность не вызывает вопросов (лицо, совершившее преступное деяние, известно и не отрицает своего поступка, у его родственников нет никаких споров по этому поводу с родственниками жертвы), испытание все равно совершается, и она также необходима до такой степени, что при отсутствии виновного ей заставляют подвергнуться другого члена его социальной группы, предпочтительно брата, или иное лицо.

Во-вторых, после прохождения испытания противники и их друзья зачастую примирялись друг с другом [3, с. 204 – 206].

Соответственно важен был не результат ордалии как таковой, а непосредственно прохождение испытания согласно правилам, обеспечивающее удовлетворение (успокоение) лица, в отношении которого было совершено преступное деяние (духа покойника), и его родственников.

Таким образом, ордалия в первобытном обществе – это своего рода ритуал очищения, прохождение которого являлось обязательным для того, чтобы восстановить согласие внутри социальной общности (протообщины, являвшейся начальной формой общины [5, с. 33], рода, племени) и душевное спокойствие ее членов, нарушенные совершенным преступным деянием. В этом плане можно увидеть общие черты и происхождение у ордалии и таких институтов, как гадания, присяга и поединок, которые все изначально носили обозначенный ритуальный характер. Авторы, исследовавшие судебный процесс раннего Средневековья, также отмечали единые

корни у ордалий, присяги и поединка [6, с. 643; 7, с. 50].

Прохождение испытания само по себе обеспечивало легитимность, то есть признание со стороны соответствующей социальной общности, причем в данном случае безусловное, принятого в отношении лица, подвергнутого испытанию, решения.

Изложенное позволяет выделить первые два критерия, опираясь на которые, можно проводить анализ развития систем доказывания в истории уголовного процесса. Первым и одновременно основным критерием является господствующий в соответствующую эпоху развития человеческих сообществ тип мышления, который имеет системообразующее значение для формирования мировоззрения человека. Соответственно данный критерий может быть назван еще мировоззренческим.

Вторым критерием разграничения систем доказывания в истории уголовного процесса выступает способ легитимации (другими словами, то, как и посредством чего происходит легитимация) в социальной общности приговора (решения о признании лица виновным или невиновным в совершении преступления), для вынесения которого система доказывания функционирует в принципе. Конечными целями процедур, направленных на установление лица, виновного в совершении преступления, и применение к нему репрессии, во все времена являлись и остаются до настоящего времени устранение возникшего социального конфликта, предупреждение новых подобных конфликтов и, тем самым, поддержание существующего миропорядка в социальной общности, будь то протообщина или современное общество. При этом преобразование в ходе развития общества и государства системы социальных ценностей, содержания и соотношения институциональных систем неизбежно влечет за собой изменение системы координат, в соответствии с которой приговор признается социальной общностью легитимным. Поэтому данный критерий можно определить как социально-ценностный.

Как вытекает из сказанного выше, в первобытном обществе господствовал религиозно-мистический тип мышления, а легитимация приговора осуществлялась через прохождение обвиняемым или выставленным за него лицом процедур, носящих характер ритуала очищения. При этом в указанный период еще нельзя вести речь о наличии сформировавшейся системы доказывания виновности лица в совершении преступления.

Следующий этап в развитии человечества – это эпоха варварства. В догосударственных обществах того периода уже идут процессы разложения первобытнообщинного строя и развиты институты военной демократии. В связи с тем, что, на самом деле, границы между эпохами господства того или иного типа мышления в определенной степени условны, в контексте темы настоящей статьи одновременно необходимо рассматривать как общества эпохи варварства, так и ранние государства, созданные на их

основе (в частности, государства раннего Средневековья).

С учетом того, что российский уголовный процесс исторически наиболее близок уголовному процессу стран континентальной Европы, наибольший интерес применительно к теме исследования представляет формирование систем доказывания в обществах, существовавших на территории современной Европы.

Развитие человеческих сообществ характеризуется неравномерностью, обусловливаемой различными факторами, в том числе ландшафтом, климатом, доступом к ресурсам, войнами и т.д. Однако все общества, находясь на одинаковой ступени развития, хоть и в разные исторические времена, обладают схожими чертами, будь то, к примеру, Древняя Греция темных веков и архаического периода или кельтские, древнегерманские и славянские племена в эпоху варварства.

Сознание человека в данную эпоху становится более рациональным, чему способствует совершенствование технологий обработки земли и металла, развитие ремесел и торговли. Религия эволюционирует от фетишизма к антропоморфизму, процветает мифология, духовная жизнь человека наполняется новыми смыслами, находящими выражение в искусстве. Однако мировоззрение человека в своей основе остается иррациональным, хотя его религиозно-мистический характер в значительной степени сменяется религиозно-символическим. В этот период право проступает сквозь оболочку религии и начинает отделяться от нее.

Применительно к уголовному процессу, о котором как о форме привлечения лица к ответственности за совершенное преступление уже можно говорить, но который еще не разграничен с гражданским процессом, религиозно-символический характер мышления людей того времени находит проявление в значительной обрядовости и формализме процесса. Таковы, в частности, были судебные процедуры в афинском ареопаге в архаической Греции [8, с. 84–86]. В германском процессе раннего Средневековья иск и обвинение облекались в подлежащие доказыванию формулы, зачастую имевшие религиозное происхождение, при этом истиной признавалось «не то, что представляется таковою в силу логических выводов из установленных фактов, а то, что признает истиною закон, при соблюдении известных, им предусмотренных условий» [9, с. 13–14].

В этот период изменяется роль ордалии в вопросе установления виновности лица в совершении преступления, поскольку становится важным и приобретает значение доказательства результат ордалии как проявление воли Божества.

Специфику ордалии в эгейской и греческой цивилизациях в своих трудах подробно исследовал Г. Глотц. В его работах отмечалось, что ордалию, как «суд Божий», породили коллективное мышление и психология эгейцев. В античной Греции им

выделялись такие виды ордалии, как ордалия морем, испытание пресной водой, скачки в пропасть, замуравывание, испытание огнем и раскаленным железом [10, с. 15–16]. В то же время в классической Греции (V–IV века до н.э.), в которой, как будет показано ниже, в силу особенностей политико-культурного развития древнегреческого общества формируется иной тип мышления, ордалии (испытания) уже не относятся к основным видам доказательств. Так, Аристотель в «Риторике» отмечает пять видов доказательств, используемых в судебных речах, в перечне которых ордалия (испытание) отсутствует: законы, свидетели, договоры, показания под пыткой, клятвы [11, с. 53].

Обусловленное религиозно-символическим типом мышления развитие системы доказывания, обеспечивающей установление виновности лица в совершении преступления, шло и в процессе, существовавшем у кельтских, древнегерманских и славянских племен, расселившихся по территории современной Европы как до, так и после Рождества Христова.

У галлов, относящихся к кельтским племенам, судебные функции осуществлялись друидами. Наиболее значительная роль в процессе доказывания виновности лица в совершении преступления принадлежала ордалиям, в число которых входили, в частности, такие распространенные процедуры испытания, как «котел правды» (котел с кипящей водой, в который погружалась рука подсудимого), «железо Лухты» (наложение на ладонь испытуемого раскаленного куска железа), ордалия с помощью дерева (бросание в воду трех кусков дерева, при этом значение имело, утонет или нет кусок, представлявший собой дерево подсудимого) [12, с. 169–170].

У древних ирландцев, других племен кельтской группы суд вершили брегоны, представлявшие собой институт, во многом аналогичный друидам. В эпоху язычества в древнем ирландском судопроизводстве к числу доказательств относились магические действия, которые должны были вызвать сверхъестественные откровения (например, ворожба), судебный поединок, имевший значение суда Божьего. С распространением в Ирландии, начиная с V века, христианства система доказывания изменилась. Ордалии, например испытание кипятком, жребий, продолжали использоваться в судопроизводстве, однако в число основных вошли также такие виды доказательств, как свидетельские показания и присяга. Последняя применялась, когда представленные сторонами доказательства оказывались противоречивыми, той из сторон, которая выставила наибольшее число свидетелей, или той, на которую указывал брошенный жребий. Действовал также институт соприсяжников [13, с. 343].

Древние германцы и славяне в числе основных видов доказательств использовали признание, о котором применительно к данному периоду мало сведений в исторических источниках, свидетельские показания, присягу и ордалии. При этом в древне-

германском праве, в том числе первоначально у англосаксов в Британии, свидетельские показания использовались только как исключение и при условии, что свидетели принадлежали к той же общине, что и обе тяжущиеся стороны, тогда как «при суждении о фактах большей части преступлений судебные приговоры основывались главным образом на присяге». [7, с. 19–21]. Свидетельским показаниям также предшествовала присяга, даваемая свидетелями совместно с тяжущейся стороной или без нее.

Существенная особенность свидетельских показаний у древних германцев состояла в том, что свидетели были «настоящими судьями относительно подлежащего рассмотрению факта», и их показания, содержащие окончательное суждение о факте, были обязательными для обеих тяжущихся сторон и служили основанием судебных приговоров [7, с. 28–29].

По сравнению с древнегерманским правом свидетельские показания по древнерусскому законодательству применялись шире, при этом в Русской Правде выделялись два вида свидетелей: видоки и послухи [6, с. 641–643; 14, с. 47–48].

По древнегерманскому праву присяга в уголовном судопроизводстве предназначалась для очищения ответчика от обвинения и была неотъемлемым правом каждого свободного лица. Как писал А. Палюмбецкий, «истец, обвиняя в преступлении, вовсе не имел обязанности доказывать; в одних его словах заключались уже улики против обвиняемого, который, ежели не утверждал истинности их своим признанием, должен был приступить прямо к очищению себя присягою. Эта присяга в большей части случаев, можно сказать, была началом и концом судебного разбирательства» [7, с. 38].

Институт присяги (клятвы, роты) различался у древних германцев и славян. По древнерусскому законодательству право доказывать присягой в равной мере принадлежало обвинителю и обвиняемому. Причем первый использовал присягу тогда, когда не мог представить иных доказательств, а второй прибегал к присяге как к средству очищения от приведенных против него улик [7, с. 36–37].

Древние германцы и славяне считали Божество верховным судьей над людьми и соответственно были убеждены в том, что оно во всех сомнительных делах откроет правоту или неправоту подсудимых посредством особенных знаков (чудес). К разновидностям ордалий у древних германцев относились жребий и поединок. Изначально наиболее распространенными ордалиями были испытания огнем, кипящей и холодной водой. После принятия германскими народами христианства система ордалий подверглась изменению, в число последних к VIII–IX векам вошли испытания, последствия которых могли стать видимыми лишь спустя определенное время (в частности, испытание освященным хлебом, Св. Причастием, крестом, испытание над телом умершего). Даже если преступники, выдержавшие эти испытания, избегали заслуженного наказания,

по народному убеждению правосудие Бога рано или поздно их непременно настигало [7, с. 51–53].

Древнерусскому праву также были свойственны такие ордалии, как испытания огнем и горячей водой, судебный поединок (поле), жребий.

Таким образом, для эпохи варварства и ранних государств (в частности, раннего Средневековья), созданных на основе обществ этого исторического периода, характерен религиозно-символический тип мышления. Легитимация приговора на данном этапе развития человеческих сообществ происходит посредством применения формализованных процедур, результат которых прямо доказывает виновность или невиновность лица в совершении преступления и при этом носит очистительный характер (присяга) или является проявлением воли Божества (ордалии, включая поединок, жребий).

Рассмотрение вопросов, относящихся к системе доказывания, опирающейся на религиозно-символический тип мышления, помогает определить третий критерий разграничения систем доказывания в истории уголовного процесса. Это способы получения и виды доказательств, характерные для уголовного процесса соответствующего периода развития. Они позволяют оценить эффективность системы доказывания и ее репрессивность или, наоборот, гуманность. Соответственно преобразование в ходе развития уголовного процесса системы доказывания в части способов получения и видов доказательств одновременно представляет собой регулирование эффективности и репрессивности данной системы в сторону повышения или понижения указанных ее характеристик. В связи с этим обозначенный критерий можно назвать юридико-регулятивным.

Характеризуя систему доказывания, опирающуюся на религиозно-символический тип мышления, можно отметить, что в ней способы получения и виды доказательств еще не разграничены. Основными способами получения и одновременно видами доказательств являются ордалии и присяга (по существу также являющаяся разновидностью ордалии), которые, как отмечалось выше, уходят корнями в глубокую древность и обусловлены религиозными верованиями людей. С принятием народами эпохи варварства христианства жестокость системы ордалий постепенно смягчается, а частота применения последних уменьшается. Признание обвиняемого и свидетельские показания входят в систему доказательств, однако их использование является ограниченным, при этом даже показаний все равно предшествует присяга, носящая очистительный характер.

Если в Древней Греции темных веков и архаического периода, как у кельтов, древних германцев и славян, система доказывания основана на религиозно-символическом типе мышления, то в классической Греции, как и в республиканском и императорском Риме, имела место другая ситуация.

Развитие в Древней Греции полисной структуры, политической свободы и индивидуализма способст-

вовали возникновению и распространению в греческом мире философских учений. С VI века до н.э. под воздействием философских идей милетской школы, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля мышление древних греков приобретает религиозно-философский характер, развиваются космо- и антропоцентризм. Демократические институты, в число которых входил суд, и философия, в том числе зарождающаяся диалектика, в свою очередь образуют почву для развития ораторского искусства. Ю.В. Рождественский по этому поводу отмечает: «Мастерство красноречия в условиях демократии жизненно необходимо, потому что каждый гражданин полиса в условиях демократии находится в потенциальной опасности от своих сограждан. Любой из сограждан может, что называется, неотвязно «пристать», обвинить другого с выгодой для себя, призвать к суду и выиграть суд, отнять имущество и жизнь. Следовательно, сноровка в речи помогает защититься и в условиях аристократического соседства, и, в случае нужды, в судебной борьбе» [15, с. 7]. Таким образом, в публичной судебной речи на первый план выходит необходимость убеждения суда (гелизи, народного собрания в древних Афинах) в своей правоте.

Как следствие, важнейшими доказательствами в этот период становятся свидетельские показания и показания рабов под пыткой. При этом свидетелями могли быть только свободные люди (граждане и иностранцы), а несовершеннолетние и близкие родственники сторон не допускались к даче показаний. Показания свидетелей должны были быть изложены письменно. Использование пытки, зачастую очень жестокой, для получения показаний рабов становится обязательным. Одновременно полученным таким образом показаниям рабов отдается предпочтение по сравнению с показаниями свободного свидетеля [8, с. 100–103].

Важно отметить, что средства воздействия на суд не ограничивались только доказательствами. Как писал М.А. Чельцов-Бебутов, стороны «не щадили друг друга в своих речах, приводили с собою, вопреки запрещению закона, своих жен, престарелых родителей и малолетних детей, которые убитым видом, стенаниями и слезами старались разжалобить судей» [8, с. 106].

В Риме классического периода, культура которого развивалась под значительным воздействием греческой цивилизации, что не отрицает ее своеобразия, можно увидеть очень похожую систему доказывания в уголовном процессе, где также наблюдается сильное влияние ораторского искусства.

Основным видом доказательств в судопроизводстве были свидетельские показания. Свидетель, являвшийся свободным человеком, давал перед допросом присягу, тогда как раб, считавшийся объектом вещного права, подвергался пытке. Если первоначально пытка имела значение закрепления данных рабом показаний, то затем пытки стали применяться для получения соответствующего показания

[8, с. 147]. В систему доказательств также входили признание обвиняемого, письменные (документы) и вещественные доказательства.

И.Я. Фойницкий отмечал, что «суд отправлялся как политическое право народа» [16, с. 19]. При этом римское право не связывало судей, свободно принимавших и отвергавших представленные доказательства, никакими правилами об оценке доказательств [8, с. 148; 17, с. 24]. Соответственно допускались самые различные способы воздействия на судей: восхваление заслуг обвиняемого, принижение противника, обращение к чувству гордости судей, политические выступления, появление обвиняемого в суде в траурном виде, с отращенной бородой, в разорванных одеждах, посыпанной пеплом головой, в сопровождении друзей, числом которых определялось общественное положение обвиняемого [16, с. 19; 17, с. 24]. Приговор постановлялся римским судьей «по внутреннему убеждению, к которому он приходил на основании картины события, развернувшейся перед ним на суде» [9, с. 13].

Таким образом, в периоды классической Греции и республиканского Рима господствующим является религиозно-философский тип мышления. Легитимность приговора обуславливается тем, что последний является результатом реализации политического (демократического) права граждан на суд. В силу того, что судья реализует принадлежащую народу судебную власть, он принимает решение по внутреннему убеждению, не будучи связан какими-либо правилами оценки доказательств. Соответственно основными видами доказательств становятся свидетельские показания свободных лиц и полученные под пыткой показания рабов. Одновременно помимо доказательств широко используются способы эмоционально-психологического воздействия на суд. Способы получения и виды доказательств начинают отделяться друг от друга, в частности, как способ получения показаний раба развивается институт пытки.

В эпоху императорского Рима значение пытки, а также письменности в уголовном судопроизводстве усиливается. В этот период в древнеримском государстве происходит существенное изменение институциональной среды, «судебная власть народа переходит к императору, делегировавшему ее разным магистратам с сохранением за собою надзора за ними» [16, с. 19], для власти ценность представляет активный суд, стоящий на страже государственных интересов [17, с. 25]. Однако в основе обозначенных различий систем доказывания в республиканском и императорском периодах истории Древнего Рима лежит не мировоззренческий критерий, данные различия носят социально-ценностный (приговор становится выражением государственной власти в лице императора, а не народа), отмеченный выше юридико-регулятивный, а также юридико-технический характер.

Юридико-техническим критерием разграничения систем доказывания в истории уголовного процесса,

в данном случае четвертым по счету, является метод установления обстоятельств дела. Если в Древнем Риме республиканского периода в уголовном процессе действует состязательный метод, то в императорский период развития Древнего Рима формируется следственный метод.

Многие институты римского права, в том числе доказательственного, будут восприняты государствами Европы намного позднее, в период классического Средневековья, когда будет господствовать уже совершенно иной тип мышления.

Как начинал свою работу, посвященную средневековым процессам о ведьмах, Я. Канторович: «С конца XIV до второй половины XVIII в., в течение почти четырех столетий, во всех странах Европы не переставали пытать костры, раздуваемые невежеством, фанатизмом и суеверием, и сотни тысяч невинных людей, после страшных мучений пытки, обрекались на смерть по обвинению в связи с дьяволом и в разных чудовищных преступлениях колдовства». Причем осуждение производилось «судебными трибуналами по всем правилам судопроизводства, на основании постановлений уголовного законодательства, и во имя “Бога, короля и правосудия”» [18, с. 1]. В то же время, как, в свою очередь, отмечал Л.Н. Гумилев, «еще в VIII–IX вв. учение о колдовстве и порче в среде германцев считалось суеверием. Поэтому в законах лангобардских королей обвинение женщины в том, что она летала на помеле, рассматривалось как клевета, за которую наказывали доносчика – сажали его в тюрьму. При Карле Великом за такой донос полагалась даже смертная казнь. В IX в. на Соборе в Анквире шабаш был объявлен иллюзией доносчика, хотя некоторые епископы: Исидор Севильский, Рабан Мавр, Гинкмар Реймский – принимали учение о ламиях (ведьмах. – А.М.)» [19, с. 496–497].

Подобные изменения в жизни и сознании средневекового европейского общества могут быть объяснены только формированием качественно иного мировоззрения. Действительно, такая смена типа мышления в Европе происходит в XI–XII веках.

В результате Папской революции, имевшей место в 1075–1122 гг., о чем в своих работах обоснованно пишет Г. Дж. Берман, устанавливается главенство Папы Римского над всей западной церковью и последняя получает независимость от светского контроля [20, с. 62; 21, с. 40–41, 55–57]. Это способствует развитию богословия, формированию единых подходов к решению спорных теологических проблем, наполнению теологии догматическим содержанием, обновлению канонического права. Западно-европейский человек, живший в эпоху классического и позднего Средневековья, находился под властью приобретших доктринальное значение идей о Страшном суде и чистилище и был постоянно озабочен мыслями о спасении души.

Параллельно, с конца XI века, новый импульс в развитии получает юридическая наука. В европейских университетах начинается изучаться римское

право, кодифицированное в период правления византийского императора Юстиниана I (VI век). Одним из главных факторов, обуславливавших повышенное внимание к римскому праву, являлось то, что в борьбе между папством и светскими властями, которая происходила в те исторические времена, каждая из сторон пыталась найти в римском праве дополнительное обоснование своего главенства [21, с. 54].

Развитие юридической науки привело к тому, что «в ходе многочисленных диспутов между учеными-схоластами были определены различные социальные, политические и юридические категории и понятия, причем с такой точностью и тонкостью, которая не была известна даже римским юристам» [22, с. 14].

Именно после рецепции римского права в XII–XIII веках получает правовое признание на Западе пытка [23, с. 402].

Таким образом, тип мышления, сложившийся в рассматриваемый период в Западной Европе под влиянием теологии, канонического и римского права, можно охарактеризовать как религиозно-догматический. Одновременно нужно отметить, что и средневековое русское право, в том числе процессуальное, развивалось под значительным влиянием православно-христианской традиции и византийской культуры, что также способствовало формированию в русском обществе того периода обозначенного типа мышления.

Западная христианская церковь в классическое Средневековье оказала непосредственное влияние на дальнейшее развитие систем доказывания в уголовном процессе. На Четвертом Латеранском соборе 1215 года были приняты два значимых в этом плане решения. Во-первых, был установлен запрет духовенству участвовать в ордалиях. Поскольку благословление священником огня и железа, месса, молитвы, принятие тела Христова (евхаристии) к этому времени являлись обязательными составными частями процедуры ордалии [23, с. 401; 24, р. 53], введение указанного запрета привело в конечном итоге к исключению ордалий, в том числе судебного поединка и присяги, из системы доказывания в уголовном процессе. Однако относительно быстрый эффект указанное решение имело только в Англии, где к тому времени возник и пришел на смену ордалиям новый институт – суд присяжных, тогда как в континентальной Европе замена ордалий новыми формами уголовного судопроизводства происходила медленнее [24, р. 53], в частности в Германии Божий суд просуществовал вплоть до XV столетия [23, с. 402].

Тем не менее следствием указанного решения Собора стало то, что вместо ордалий основными видами доказательств в уголовном процессе стали признание подсудимого, свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства.

Во-вторых, другим принятым Четвертым Латеранским собором решением, оказавшим значитель-

ное влияние на уголовное судопроизводство в Западной Европе, стало санкционирование «Святой инквизиции» – особого церковного трибунала, предназначенного для борьбы с ересью, который был создан Папой Римским Иннокентием III. Инквизиция позднее дала название типу уголовного процесса с превалированием тайного и письменного производства, который получил развитие в классическое Средневековье в континентальной Европе. В Англии инквизиция распространения не получила в силу особенностей политического и историко-культурного развития данной страны и ее правовой системы (системы общего права).

Таким образом, можно отметить, что основные черты континентальной и англосаксонской правовых систем и свойственных им систем доказывания уже начали проявляться в XIII веке.

Основообразующим институтом для системы доказывания в англосаксонском уголовном процессе стал суд присяжных (jury trial), с появлением которого бремя ответственности за вынесение приговора перешло от Бога двенадцати присяжным, тем самым «голос Бога» был заменен «голосом народа» [24, р. 54]. Это способствовало формированию свободы оценки доказательств и дальнейшему развитию состязательного процесса с присущими тому равноправием сторон, непосредственностью и устностью, гласностью судебного разбирательства, презумпцией невиновности.

Следственный метод, составлявший основу инквизиционного процесса, включал подготовку священниками или закончившими университет юристами тщательно проработанного досье, полного фактических деталей, с помощью которых обосновывались выводы суда. Тем самым были заложены бюрократические основы континентального уголовного процесса. Как пишет американский профессор сравнительного и иностранного права (Йельский университет, США) Дж. Уитмен: «Действительно, мы можем сказать, без существенного преувеличения, что там, где в Англии голос Бога был заменен голосом народа, на Континенте пришли к замене голоса Бога голосом бюрократии (перевод мой. – А.М.)» [24, р. 54].

При этом необходимо отметить, что средневековый судья, будь то инквизитор в континентальном процессе либо присяжный в Англии, понимал, что теперь именно на него, а не на Бога возложена ответственность за выносимый приговор, и в случае, если к ответственности будет привлечен невиновный, данный грех ляжет на его душу, которая не найдет спасения в ином мире после смерти. Кроме того, судей очень волновала возможность подвергнуться мести или проклятию в связи с принятым решением. Вот как описывает эту проблему применительно к английским присяжным Дж. Уитмен: «На самом деле, переход от свидетельства Бога к свидетельству человека поставил присяжных в необычайно деликатную с моральной точки зрения ситуацию. Присяжные были двенадцатью приведен-

ными к присяге свидетелями, от которых закон требовал говорить истину. Хуже того, они были свидетелями, которые действовали как судьи, будучи обязанными провозглашать вердикт «виновен» в делах о преступлениях, за которые могли быть назначены членовредительские наказания и смертная казнь. Это означало, что их души (и их тела) были в серьезной опасности: они были вынуждены нести моральную ответственность, которая ранее была возложена на Бога, что охраняло от опасностей мести и проклятия (перевод мой. – А.М.)» [24, р. 58].

В целях устранения или, как минимум, уменьшения обозначенных страхов и мук совести средневекового судьи, теологи подготовили обоснование, одним из наиболее известных примеров которого является написанная монахами Я. Шпренгером и Г. Инститорисом книга «Молот ведьм», а континентальный и англосаксонский уголовные процессы выработали свои институты доказательственного права, направленные на решение данного вопроса.

Оправдание пытки, широко применявшейся в инквизиционном процессе, церковь видела в том, что «обвиняемый отказывается от признания под влиянием завладевшей им нечистой силы, которая якобы препятствует ему признаться и раскаяться в своих грехах. Физическое воздействие на тело еретика должно было освободить его душу из дьявольского плена, и вся процедура имела в глазах инквизиторов благочестивый смысл» [23, с. 402–403]. Желание избавиться от мук совести побуждало инквизитора добиваться в ходе допроса признания обвиняемого путем применения пытки или искусства вести допрос с использованием приемов софистики и обмана [25, с. 1022–1055]. Это способствовало превращению признания обвиняемого в «царицу доказательств» (лат. regina probationum).

На государственном уровне инквизиционный (розыскной) процесс закрепляется во Франции Ордонансом 1498 года и Эдиктом Франциска I 1539 года, а в Германии (Священной Римской империи германской нации) – Уголовно-судебным уложением императора Карла V (лат. Constitutio Criminalis Carolina) 1532 года.

В англосаксонском уголовном процессе в связи с тем, что осуждение невиновного, согласно старой христианской традиции, рассматривалось как потенциальный смертный грех, страх присяжных-христиан за спасение своей души приводил к религиозно мотивированному отказу принимать решение об осуждении подсудимых. Это обусловило появление здесь правила (стандарта) доказывания «вне разумного сомнения» (beyond a reasonable doubt), который приобрел известные в настоящее время формы в 1780-е годы. Изначально же это правило, как отмечает Дж. Уитмен, было «теологической доктриной, предназначенной для того, чтобы успокоить присяжных, чтобы они могли принимать решения об осуждении обвиняемого, не рискуя своим собственным спасением, до тех пор, пока их сомнения в виновности обвиняемого не становились «разумными»

(перевод мой. – А.М.)» [24, р. 3–4]. К числу правил, имевших изначально обозначенную целевую направленность, также относились коллегиальное (единодушное) вынесение судом присяжных вердикта, случайный отбор последних и некоторые другие положения уголовного процесса.

При этом доказательства в рассматриваемый период исторического развития систем доказывания уже должны были основываться на рациональных научных методах [26, с. 187], поэтому в доказывании главную роль стали играть признание обвиняемого и показания свидетелей.

Надо полагать, что в значительной степени именно в силу указанных выше причин в Средневековье возникает формальная теория доказательств с ее делением доказательств на совершенные (полные) и несовершенные (неполные). Система формальных доказательств, свойственная континентальному уголовному процессу, одновременно учитывала уровень научно-технического развития общества и позволяла облегчить судье принятие решения о виновности или невиновности подсудимого, тем самым, успокоив его совесть.

Англосаксонский уголовный процесс, несмотря на состязательный характер и свободу оценки доказательств судом присяжных, в рассматриваемый период отличался значительным формализмом, что, в частности, проявлялось в сохранении вплоть до середины XIX века принципа неизменяемости обвинения [9, с. 31–32]. При этом доказательственное право в значительной степени было ориентировано не на установление фактических обстоятельств дела в том виде, в котором они имели место в действительности, а на обеспечение морального комфорта судьи при принятии решения о виновности или невиновности подсудимого.

Таким образом, как континентальная, так и в англосаксонская системы доказывания в уголовном процессе рассматриваемого периода обеспечивали установление лишь формальной истины, под которой, как следует из классического определения М.С. Строговича, понимается «соответствие выводов суда об обстоятельствах дела определенным, заранее установленным формальным условиям, независимо от того, правилен ли этот вывод по существу, соответствует ли он тому, что произошло в действительности» [27, с. 37]. При этом общество, несмотря на то, что практически во все времена находились критики действовавшей системы доказывания, обосновывавшие ее несправедливость, неэффективность и негуманность, долгое время соглашалось с подобным результатом уголовного процесса.

Подводя итог рассмотрению данного этапа развития систем доказывания в истории уголовного процесса, который продолжался до начала XIX века, можно отметить, что системы доказывания здесь базируются на религиозно-догматическом типе мышления. Легитимация приговора в континентальном уголовном процессе осуществляется посредством

установления в ходе уголовного процесса формальной истины с помощью системы формальных доказательств, тогда как в англосаксонском уголовном процессе формальная истина устанавливается в рамках состязательной процедуры (равноправия сторон, действия презумпции невиновности и др.), отличающейся при этом значительным формализмом. Среди видов доказательств центральное место занимают признание обвиняемого и показания свидетелей. Главным способом их получения становится допрос: в континентальном уголовном процессе – с применением пытки, а в англосаксонском уголовном процессе – в условиях состязательности. В отличие от англосаксонского континентальный уголовный процесс на данном этапе развития строится на началах тайности и письменности и носит инквизиционный характер. Соответственно формируются два метода установления обстоятельств дела – состязательный и следственный.

В XIX веке в европейском обществе господствующим становится философско-идеологический тип мышления, почву для которого во многом подготовили труды философов и ученых XVII–XVIII столетий (Р. Декарта, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье, Ф. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и др.). К началу XIX века рационализм в Европе вытесняет религиозный догматизм, формируются политические идеологии, прежде всего либеральной направленности. Э. Аннерс по этому поводу пишет: «В XVIII веке впервые в истории человечества возникли политические идеологии, которые в отличие от более ранних подобных явлений не были инспирированы религией и охватывали крупные группы населения» [26, с. 279]. Катализатором распространения либеральных идей и слома старых институтов становятся Великая французская революция и последовавшие за ней Наполеоновские войны.

Параллельно активно развиваются образование, наука и техника, которые становятся предпосылкой небывалого ускорения экономического развития Европы в XIX веке, что на основе глубокого анализа мировой экономики показывает Э. Мэддисон [28, с. 111–141]. Все указанные изменения, безусловно, сказываются на сфере права.

Общее философско-идеологическое пространство Европы способствует конвергенции правовых систем, ярким примером которой становится формирование смешанного типа уголовного процесса, основанного на французском Кодексе уголовного следствия 1808 г., который «можно рассматривать как компромисс между традиционным французским процессом и английской системой» [26, с. 347]. Позднее Кодекс уголовного следствия сам берется за основу при разработке российского Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и немецкого Уголовно-процессуального кодекса 1877 г.

Одним из следствий смены мировоззренческой парадигмы становится отказ от формальной теории доказательств, который происходит во Франции еще

в конце XVIII века, в Германии – в 1848 году, в России – в 1864 году, а в Австрии – в 1873 году [29, с. 178].

В результате в уголовно-процессуальном законодательстве соответствующих стран закрепляются имеющие конститутивное значение для формирования новой системы доказывания принципы состязательного процесса, в том числе свобода оценки судом доказательств, непосредственность и устность судебного разбирательства, презумпция невиновности. Способы и виды доказательств, а также метод установления обстоятельств дела определяются уже с учетом указанных принципов.

Исследователи англосаксонского уголовного процесса также отмечают имеющую место в последние два столетия тенденцию снижения роли процедур, обеспечивающих моральный комфорт судьи (*moral comfort procedures*), и увеличение значения процедур, обеспечивающих установление действительных обстоятельств дела (*factual proof procedures*), понимая под последними «процедуры, хорошо продуманные для того, чтобы помочь в отыскании истины в случаях неопределенности (перевод мой. – А.М.)» [24, р. 20]. К числу таких процедур, в частности, относятся правила, требующие от суда игнорировать неподтвержденное признание, проверять подлинность доказательств, достоверность документов, и, из числа сформировавшихся недавно, правила, определяющие прохождение ДНК-теста.

Дж. Уитмен отмечает, что соотношение процедур, обеспечивающих моральный комфорт судьи, и процедур, обеспечивающих установление действительных обстоятельств дела, определяется, во-первых, тем, что «любая процедура, обеспечивающая установление действительных обстоятельств дела, делает больше, чем просто предоставляет доказательство. Она также обеспечивает меру морального комфорта», и, во-вторых, тем, что «многие хорошие процедуры, обеспечивающие моральный комфорт, не работают также хорошо, как процедуры, обеспечивающие установление действительных обстоятельств дела (перевод мой. – А.М.)» [24, р. 20]. Таким образом, заключает Дж. Уитмен, «стремление к истине может всегда служить средством облегчения чувства моральной ответственности: если мы можем убедиться в том, что наше решение было продиктовано истиной, мы можем уменьшить наше чувство личной ответственности за его принятие (перевод мой. – А.М.)» [24, р. 20].

По существу к тому же выводу, но уже на основе глубокого анализа философского понятия истины приходит представитель континентальной уголовно-процессуальной науки профессор Боннского университета К.-Ф. Штукенберг, когда пишет, что «истина дает нам самое сильное, наилучшее оправдание принимаемого решения. Наоборот, поэтому нужны дополнительные причины, чтобы принять решение, не основанное на истине» [30, с. 86].

Таким образом, на современном этапе развития систем доказывания в уголовном процессе, обусловленных философско-идеологическим типом мышления, способом легитимации приговора служит установление истины. Однако это уже не формальная истина, характерная для предшествующего этапа господства религиозно-догматического типа мышления. Содержательно эта истина является материальной, тогда как процессуальные формы придают ей характер юридической истины. Другой, может быть даже более серьезный сегодня, вопрос состоит в том, что в современном уголовном процессе истина уже не является единственным способом легитимации приговора, как это было, к примеру, в XIX веке. Все большее развитие в уголовно-процессуальных законодательствах различных стран, в том числе России, получает другой способ, лишь опосредованно (а не непосредственно, как истина) связанный с системой доказывания, – это достижение компромисса. Очень точно данную тенденцию подмечает К.-Ф. Штукенберг, подчеркивая, что «материальная истина служит легитимационной основой для выводов, заложенных в приговоре, во всяком случае до сих пор, потому что поиск истины все более «выходит из употребления», так как для практики юстиции и для послушной правовой политики в Европе последних двух десятилетий он представляется слишком утомительным, требует слишком больших затрат времени и средств» [30, с. 85].

При этом, безусловно, реализация в уголовно-процессуальном законодательстве идеи компромисса не сводится только к стремлению правоохранительных органов и судов облегчить себе работу, а государству в целом – снизить затраты на обеспечение функционирования уголовно-процессуальной системы. Расширение сферы применения данного способа легитимации приговора во многом объясняется демократизацией и гуманизацией общества и, как следствие, уголовного процесса во многих странах, прежде всего в западных государствах. Идея компромисса, в частности, лежит в основе восстановительного правосудия.

Однако при закреплении в уголовном процессе процедур, основанных в той или иной форме на идее компромисса, реформировании системы доказывания в современном уголовном процессе России нужно учитывать два очень важных момента.

Во-первых, социокультурные особенности развития, имеющиеся у каждого общества, в том числе его тип культуры. В свете темы настоящей статьи интерес представляет классификация культур по такому критерию, как акцент на наказании либо позитивном вознаграждении, которую осуществляет И.Г. Яковенко. В соответствии с обозначенным критерием данный ученый выделяет репрессивную культуру, то есть культуру, центрированную на наказании, которая характерна для российского общества, и культуру поощрения, центрированную на вознаграждении и свойственную западным обществам. Акцентирование на репрессии либо вознагра-

дении обуславливает, в частности, пишет И.Г. Яковенко, такие характеристики общества, как тяготение к демократическим либо авторитарным институтам; наличие либо отсутствие концепции «прайвеси» (англ. privacy – тайна, уединение, частная жизнь); принятие или отторжение идеи личной автономии и прав человека и т.д. [31, с. 16–17]. Социокультурные особенности развития общества соответственно обуславливают возможность (либо невозможность) конвергенции правовых систем и заимствования тех или иных институтов иностранного права, а также условия, при которых конвергенция и заимствование возможны.

Во-вторых, нужно помнить, что компромисс – это всегда только частичное решение проблемы, поскольку он достигается за счет наложения на каждую сторону спора (конфликта) ограничений в пользу другой стороны. В уголовном судопроизводстве законодательно допускаемый компромисс зачастую достигается за счет снижения уровня гарантий прав личности, которые были завоеваны в ходе длительного развития уголовного процесса. Такое ослабление гарантий прав участников процесса можно увидеть на примере института дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ) и особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) в современном уголовном процессе России.

Если в западных обществах с культурой поощрения компромисс вполне укладывается в социокультурные рамки их уголовного процесса, то расширение сферы реализации идеи компромисса в

уголовном процессе России в рамках упрощенных производств при ослаблении гарантий прав личности может привести к повышению репрессивности уголовного процесса, примерами высокого уровня которой история России богата. В связи с этим сегодня весьма актуальными являются слова дореволюционного ученого-правоведа А. Лебенстима: «Современный суд, работа которого обставлена всевозможными гарантиями, конечно, должен быть одним из самых драгоценных результатов культуры, ибо этот суд, будучи снабжен всеми средствами выяснения истины, является лучшей гарантией личной свободы и безопасности» [32, с. 59].

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно выделить пять типов мышления, господствующих в соответствующую эпоху развития человеческих сообществ (религиозно-мистический, религиозно-символический, религиозно-философский, религиозно-догматический, философско-идеологический), для каждого из которых характерны свои способы легитимации приговора (социально-ценностный критерий) и системы доказывания в уголовном процессе, особенности которых раскрываются с помощью юридико-регулятивного (способы получения и виды доказательств) и юридико-технического (метод установления обстоятельств дела) критериев.

Соответственно развитие систем доказывания в уголовном процессе обусловлено объективными факторами мировоззренческого, социокультурного и собственно юридического порядка, игнорирование которых законодателем может иметь крайне негативные последствия для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. 2-е изд. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 350 с.
2. *Мальцев Г.В.* Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 736 с.
3. *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. 400 с.
4. *Бондаренко Л.И.* У истоков логического мышления. М.: Знание, 1985. 64 с.
5. *Всемирная история: в 6 т. Т. 1. Древний мир.* М.: Наука, 2011. 822 с.
6. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев: Н.Я. Оглоблин, 1905. 694 с.
7. *Паломбецкий А.* Система доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении. Харьков, 1844. 76 с.
8. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа, Равена, 1995. 846 с.
9. *Немировский М.* Отношение приговора к обвинению. Одесса, 1906. 408 с.
10. *Косиченко И.Ф.* Философия культуры в концепции Гюстава Глютта: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 2000. 21 с.
11. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
12. *Леру Ф.* Друиды. СПб.: Евразия, 2000. 288 с.
13. *Дарест Р.* Исследования по истории права: пер. с фр. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 392 с.
14. *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси.* М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
15. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2006. 512 с.
16. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912. 567 с.
17. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. 2-е изд., изм. и перераб. СПб., 1914. 547 с.
18. *Канторович Я.* Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896. 222 с.
19. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.
20. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. 624 с.
21. *Берман Г.Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. М.: Изд-во МГУ, 1999. 431 с.
22. *Глебов А.Г.* О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 11–19.

23. *Словарь средневековой культуры* / под ред. А.Я. Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 632 с.
24. Whitman J.Q. The Origins of Reasonable Doubt. Theological roots of the criminal trial. Yale University Press. New Haven. London, 2008. 276 p.
25. Бемер Г. Иезуиты; Ли Г.Ч. Инквизиция. СПб.: Изд-во Полигон, 1999. 1248 с.
26. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.
27. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
28. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 584 с.
29. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 329 с.
30. Штукенберг К.-Ф. Исследование материальной истины в уголовном процессе // Государство и право. 2014. № 5. С. 78–86.
31. Яковенко И.Г. Россия и Репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф, 2011. 336 с.
32. Левенстим А. Суеверие и уголовное право. СПб.: Изд-во Я. Канторовича, 1897. 176 с.

PROVING SYSTEMS IN THE CRIMINAL PROCESS: PAST AND PRESENT

Russian Journal of Criminal Law, 2015, no. 2(6), pp. 31–42. DOI 10.17223/23088451/6/7

Mikhailov Aleksandr A., Tomsk Agricultural University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: proving systems, criminal process, types of thinking, legitimization of the sentence.

The article dwells on the formation and development of proving systems in the history of the criminal process on the basis of the ideological, socio-valuable, legal, regulatory, and technical criteria selected by the author. The main criterion is ideological, i.e. the type of thinking prevailing in the corresponding period of the development of human communities that has a strategic value for the formation of a person's ideology. According to this criterion, the author distinguishes five types of thinking prevailing in the corresponding period of the development of human communities (religious mysticism, religious symbolism, religious philosophy, religious dogmatism, philosophical and ideological), each of which is characterized by its own ways of legitimization of the sentence (the social-evaluative criterion) and proving systems in the criminal procedure, the features of which are disclosed by means of regulatory (methods of taking and types of evidence) and technical (method of establishing the circumstances of the case) criteria.

In the modern criminal process the truth, which material in its content, is no longer the only means of legitimizing the sentence, as it was, for example, in the 19th century. There is another method that is developing gradually in the criminal procedural legislation of various countries, including Russia. This method is only indirectly (not as directly as the truth) associated with the proving system. It is based on a compromise. The author also notes that the reformation of the present proving system in the Russian criminal process should take into account the socio-cultural features of the society development.

Accordingly, the development of proving systems in the criminal process is caused by objective ideological, socio-cultural and legal factors that, if ignored by the legislator, can have extremely negative consequences for the society.

REFERENCES

1. Morgan, L.G. (1935) *Drevnee obshchestvo ili issledovanie liniy chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society, or research of the human progress lines from savagery through barbarism to civilization]. 2nd ed. Leningrad: Publishing House of the Institute of the Peoples of the North Central Electoral Committee of the USSR.
2. Mal'tsev, G.V. (2012) *Mest' i vozmездie v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow: Norma, Infra-M.
3. Levy-Bruhl, L. (2002) *Pervobytnyy mentalitet* [Primitive mentality]. Translated from French by V.K. Nikol'skiy, A.V. Kissin. St. Petersburg: Evropeyskiy dom.
4. Bondarenko, L.I. (1985) *U istokov logicheskogo myshleniya* [At the roots of logical thinking]. Moscow: Znanie.
5. Chubar'yan, A.O. (ed.) (2011) *Vsemirnaya istoriya: V 6 t.* [The World History: In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Vladimirovskiy-Budanov, M.F. (1905) *Obzor istorii russkogo prava* [The review of the history of Russian law]. Kiev: N.Ya. Ogloblin.
7. Palyumbetskiy, A. (1844) *Sistema dokazatel'stv drevnego germanskogo prava sravnitel'no s Russkoyu Pravdoyu i pozdneyshimi russkimi zakonami, nakhodyashchimisya s nim v blizhayshem sootnoshenii* [The system of evidence of Ancient Germanic law in comparison with the Russian Truth and the later Russian closely related to it]. Kharkov.
8. Chel'tsov-Bebutov, M.A. (1995) *Kurs ugovolno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo protsessu v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuanzykh gosudarstvakh* [The criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal proceedings in the slave, feudal and bourgeois states]. St. Petersburg: Al'fa, Ravena.
9. Nemirovskiy, M. (1906) *Otnoshenie prigovora k obvineniyu* [The sentence related to the accusation]. Odessa: Ekon. tip.
10. Kosichenko, I.F. (2000) *Filosofiya kul'tury v kontseptsii Gyustava Glotza* [Culture Philosophy in the concept of Gustave Glotz]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
11. Aristotle. (2000) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Moscow: Labirint.
12. Leroux, F. (2000) *Druidy* [Druids]. Translated from French by S.O. Tsvetkova. St. Petersburg: Evraziya.
13. Darest, R. (2012) *Issledovaniya po istorii prava* [Studies in the history of law]. Translated from French. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.
14. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XXvekov. V devyati t.* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Rozhdestvenskiy, Yu.V. (2006) *Teoriya ritoriki* [Theory of Rhetoric]. Moscow: Flinta, Nauka.

16. Foynitskiy, I.Ya. (1912) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [The criminal proceedings]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestv. pol'za.
17. Rozin, N.N. (1914) *Ugovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. 2nd ed. St. Petersburg: Pravo.
18. Kantorovich, Ya. (1896) *Srednekovye protsessy o ved'makh* [Medieval processes of witches]. St. Petersburg: Ya. Kantorovich.
19. Gumilev, L.N. (2001) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. St. Petersburg: Kristall.
20. Berman, H.G. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Formation of the Western Legal Tradition]. Translated from English by N. Nikonova, N. Deev. 2nd ed. Moscow: Moscow State University.
21. Berman, H.G. (1999) *Vera i zakon: primirenie prava i religii* [Faith and Law: Reconciliation of law and religion]. Translated from English. Moscow: Moscow State University.
22. Glebov, A.G. (2008) O nekotorykh osobennostyakh rannesrednekovoy gosudarstvennosti v Zapadnoy Evrope [Some features of the early medieval state in Western Europe]. In: Khachatryan, N.A. (ed.) *Vlast', obshchestvo, individ v srednekovoy Evrope* [Power, society and the individual in Medieval Europe]. Moscow: Nauka. pp. 11-19.
23. Gurevich, A.Ya. (ed.) *Slovar' srednekovoy kul'tury* [The Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN.
24. Whitman, J.Q. (2008) *The Origins of Reasonable Doubt. Theological roots of the criminal trial*. New Haven, London: Yale University Press.
25. Lee, G.Ch. (1999) *Inkvizitsiya* [The Inquisition]. St. Petersburg: Poligon.
26. Anners, E. (1994) *Istoriya evropeyskogo prava* [The History of European Law]. Translated from Swedish by R.L. Valinskiy. Moscow: Nauka.
27. Strogovich, M.S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: USSR AS.
28. Maddison, E. (2010) *Kontury mirovoy ekonomiki v 1-2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoy istorii* [Outlines of the world economy in 1-2030. Essays on the macroeconomic history]. Translated from English by Yu. Kapturevsky. Moscow: Gaidar Institute.
29. Poznyshev, S.V. (1913) *Elementarnyy uchebnik russkogo ugovnogo protsessa* [An elementary textbook of Russian criminal trial]. Moscow: G.A. Leman.
30. Shtukenberg, K.-F. (2014) Issledovanie material'noy istiny v ugovnom protsesse [The study of the material truth in a criminal process]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 78-86.
31. Yakovenko, I.G. (2011) *Rossiya i Repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and repression: the repressive component of the national culture]. Moscow: Novyy khronograf.
32. Levenstim, A. (1897) *Sueverie i ugovnoe pravo* [Superstition and criminal law]. St. Petersburg: Ya. Kantorovich.